

40-х годах нашего века. Он создал Отдел фольклора в Институте этнографии АН СССР, впоследствии перешедший в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Кафедру фольклора Ленинградского университета, был одним из организаторов журнала «Сибирская живая старина» (1923–1929), сборников «Советский фольклор» (1934–1941), инициатором многих фольклористических конференций и, наконец, просто постоянным центром притяжения фольклористов из разных районов и республик Советского Союза, неизменным добрым советчиком и авторитетным консультантом.

Оценивая сборник, нельзя обойти вниманием также следующее обстоятельство. Проблема роли, функции и типологии исполнителя фольклора, столь активно разрабатывавшаяся в свое время, в 1950–1960-е и последующие годы стала заметно меньше интересовать формировавшиеся тогда поколения ученых. Почему же это произошло? Обратимся к свидетельству Ю.М. Лотмана, одного из бесспорных лидеров нашей филологии второй половины XX в. В посмертно опубликованной статье «Двойные портреты» («Лотмановский сборник». М., 1997) в разделе «Азадовский и Пропп: два подхода» он пишет: «При том бесспорном уважении и даже любви, которую вызывал у нас М.К. Азадовский в 50-е гг., нам более импонировал В.Я. Пропп». И далее: «...основополагатели отечественной семиотики Азадовского фактически обошли своим внимание. Модели тогда интересовали больше, чем тексты». И наконец: «В настоящее время, не принося ни в малейшей степени блестящих идей В.Я. Проппа, нельзя не заметить, что подход М.К. Азадовского представляется более актуальным» (с. 65). Говоря о взаимодополнительности этих двух направлений (от кода или структуры к тексту и от текста в его реальном функционировании к общим закономерностям), Ю.М. Лотман заключает: «В отношении между структурой и текстом следует ввести еще третий элемент: того, кто в этом отношении участвует, – человека», т.е. снова выдвигает традиционную проблему варьирования и актуализации традиции, ее реального пульсирования, ее реализации исполнителем. Заметим, кстати, что, не занимаясь ни экспедиционными сборами, ни полевыми наблюдениями, ни изучением деятельности исполнителей фольклора, В.Я. Пропп в свой университетский курс «Русская сказка» ввел раздел «Бытование сказки» (Л., 1984. С. 316–333), содержащий параграфы «Вопрос о типах сказочников» и «Некоторые крупные мастера», что яснее ясного свидетельствует о том, что проблемы, связанные с реализацией традиции мастерами, не представлялись ему противоречащими его основной концепции и что он признавал достижения в этой области и считал необходимым сообщить о них студентам.

Теперь мы уже можем сказать, что предсказание Ю.М. Лотмана сбывается. Интерес к проблеме исполнителя снова нарастает. Это сказывается как в отдельных книжных изданиях и сборниках (см. исследования Е.И. Шастиной, Ю.А. Новикова, Н.Г. Черняевой, Б.Н. Путилова, К.В. Чистова и др.), так и в тематике теоретических конференций последних лет в США, С.-Петербурге, Якутске, Киеве, Петрозаводске. В 1999 г. в Петрозаводске и Кижях планируется конференция на тему «Мастер в народной художественной традиции Русского Севера».

Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия, в которых создавался сборник воспоминаний о М.К. Азадовском, он, несомненно, станет заметным явлением в русской и мировой историографии фольклористики. Кроме того, он, вероятно, будет способствовать возрождению интереса к одной из важнейших проблем фольклористики – проблеме исполнителя фольклора на современном этапе.

Примечания

¹ *Azadowski M. Eine sibirische Marchenerzählerin. Helsinki, 1926. 70 s.*

² *Pohadky Hrnolenskeho Kraje. Pr., 1928–1929.*

Н.Е. Мазалова, К.В. Чистов

© 1999 г., ЭО, № 4

А.Г. Селезнев. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994. 176 с.

Этногенетические исследования в современной этнологической науке при существующем уровне общественного сознания перспективны с научной точки зрения и актуальны в национально-политическом аспекте. Происхождение любого народа вызывает интерес как у исследователей конкретного этноса, так и у его

представителей и всех интересующихся историей Отечества. Именно этим запросам отвечает рецензируемая работа – первый опыт монографического исследования, предпринятый ученым из Омска А.Г. Селезевым, результат его длительных изысканий в данном направлении. Объектом исследования выбраны барабинские татары – одна из своеобразных групп тюркоязычного населения Западной Сибири, которая неоднократно привлекала внимание ученых. Однако попытка специального исследования их этногенеза предпринимается впервые. Автором привлечен, проанализирован и обобщен широкий круг разнообразных источников, относящихся к истории и культуре барабинцев, – от археологических и архивных до собственных полевых материалов, собиравшихся в течение ряда лет практически во всех районах расселения изучаемого этноса.

Очевидно, не будет ошибочным утверждение, что монография А.Г. Селезнева отвечает классическому подходу в этногенетических исследованиях: происхождение барабинцев он рассматривает через призму археологических, лингвистических, антропологических и этнографических материалов, синтез которых дает максимально эффективный результат. Автор опирается на апробированные и достаточно надежные методики компонентного анализа, который позволил проследить процесс формирования культурных особенностей этноса, и сравнительного анализа, с помощью которого выявляется разнообразный спектр этногенетических взаимосвязей барабинских татар. В развитие этих принципов автором предложена также методика анализа культурных комплексов, которая позволяет «отделить несущественные, единичные или малозначительные явления и выявить суть комплекса культурных явлений, а также присущих ему связей» (с. 19). От себя добавим, что при определенных условиях выявление культурных комплексов в традиционной культуре этноса, очевидно, может служить одним из важных способов реконструкции архаичных форм культуры и дать реальный выход в плане этногенетических построений.

Основываясь на этих методологических принципах, автор выделяет в составе традиционной культуры барабинских татар два архаичных культурных комплекса: уральский и южносибирский лесной, которые, с его точки зрения, соответствуют основным этническим компонентам, принявшим участие в этногенезе барабинцев. Каждому из комплексов посвящена отдельная глава.

С культурным комплексом, отражающим наличие уральского компонента в составе барабинских татар, исследователь связывает ряд элементов. Это прежде всего заповное рыболовство, некоторые архаичные способы и орудия охоты, фрагментарно сохранившиеся виды одежды (штаны со вставкой, кожаная обувь – *чирки*, одежда из птичьих шкурок) и жилища (шатровые полуземлянки, конусообразные шалаши), некоторые элементы культуровой атрибутики – деревянные остроголовые идолы и культовые амбарчики. Следы уральского компонента автор находит и в социальной структуре барабинцев, считая уральскими по происхождению тугумы *пулмух*, *сибир* и *торна*. Принимая за основу субстратность уральского компонента, А.Г. Селезев выявляет многочисленные параллели и тождества данным элементам культуры барабинцев у различных этносов – угорских, самодийских и тюркских, доказывая, таким образом, их принадлежность к субстратному, а следовательно к уральскому пласту. Сравнительный анализ отдельных компонентов позволил автору выдвинуть гипотезу о неоднородности уральского субстрата в составе барабинских татар: «С одной стороны, в его (уральского субстрата. – А.З.) формировании приняли участие аборигенные уральские элементы, с другой – древнеугорские группы...» (с. 60–61). Такая постановка вопроса позволяет удовлетворительно решить проблему одновременности уральского воздействия на формирование барабинцев, неизбежно обращающую на себя внимание при внимательном знакомстве с работой.

Южносибирский лесной компонент, к анализу которого автору уже приходилось обращаться ранее¹, определен А.Г. Селезевым в качестве второй составляющей этногенеза барабинских татар. К южносибирскому лесному культурному комплексу он относит такие элементы культуры барабинцев, как часть средств передвижения (лыжи, волокуши, ручные нарты) и способы буксировки (ручная и конная), некоторые типы жилищ (двускатная полуземлянка и дерновый дом), ряд элементов тугумной структуры (тугумы *ялан*, *эчау*, *мангыт*) и мировоззрения (представления о лесной хозяйке Бичен, особенности барабинского шаманизма и др.). Здесь, пожалуй, наиболее ярко проявляются преимущества именно комплексного подхода. Так, ручные способы буксировки или лыжи, рассматриваемые в отдельности, с равным успехом могли быть отнесены и к уральскому компоненту, но, проанализировав их во взаимосвязи с другими культурными явлениями, автор достаточно убедительно показал их принадлежность к южносибирскому лесному комплексу. В качестве существенной характеристики последнего выдвигается полиэтничность: в состав «лесных народов», по мнению автора, входили тюркские, южносамодийские, кетоязычные и раннемонгольские группы (с. 62). Основой единства данных групп признается не этническое родство, а сходство хозяйственно-культурного облика, базирующегося на комплексном хозяйстве с ведущей ролью охоты, рыболовства и коневодства. Причем

последнее, как считает А.Г. Селезнев, было направлено на обеспечение транспортных нужд присваивающих форм хозяйства.

В краткой рецензии нет возможности рассмотреть приводимые автором в качестве доказательства конкретные данные; отметим только, что объем использованных источников и привлечение разнопланового материала делают основные положения работы вполне убедительными.

Взаимодействие уральского и южносибирского лесного компонентов, по мнению автора, в основном определило, но не завершило этногенез барабинских татар. Не менее важную роль сыграли более поздние процессы, протекавшие в Барабе в XVII – начале XVIII в. К таковым отнесены тесные контакты с телеутами, селькупками и обскими уграми, которые привели к формированию тугумов *куртанак*, *ланга*, *малик* и других, а также интеграционные процессы, центром которых стало родоплеменное подразделение *бараба*, название которого постепенно превратилось в общий этноним (с. 128). В качестве важного фактора этнической консолидации рассматривается также исламизация барабинцев в середине XVIII в., которая привела к интенсификации контактов с народами Средней Азии и Поволжья.

Основываясь на приведенных материалах, автор приходит к выводу о наличии трех основных этапов в формировании барабинских татар: первый, наиболее ранний, связывается с уральским субстратом; второй, с VIII в. н.э., – с лесными южносибирскими этносами; третий, XVII – начало XVIII в., – с инфильтрацией селькупских, хантыйских и кетских элементов. Достаточно уверенная датировка этих этапов, которая вряд ли была бы возможна на основе только этнографических материалов, подкрепляется привлеченными автором археологическими и лингвистическими данными. Здесь в полной мере проявляется междисциплинарный характер рецензируемой работы.

Помимо исследования этногенеза барабинских татар на основе выявления культурных комплексов монография А.Г. Селезнева насыщена целым спектром частных проблем: взаимодействие тюркского, угорского и самодийского миров, миграции отдельных этнических образований, эволюция различных элементов материальной и духовной культуры. Не все они разрешаются автором в равной степени полно. Например, на мой взгляд, остается дискуссионным вопрос о происхождении антропоморфных идолов *курчак*. Неоднозначность их трактовки прослеживается и в самой работе, где они рассматриваются как принадлежность южносибирского лесного комплекса (с. 111), и одновременно их остроголовость и способы хранения возводятся к уральскому комплексу (с. 41–42). В этой связи встает вопрос о правомерности отделения некоторых признаков от самого элемента.

Неясным можно признать и отношение южных самодийцев – представителей, по А.Г. Селезеву, южносибирского лесного комплекса (с. 74) – к уральскому компоненту, с которым их связывает генетическое родство. Кроме того, воздействие уральских (в широком смысле слова) этносов на барабинских татар вряд ли стоило ограничивать периодом до VIII в. н.э. Вполне очевидно, что их влияние с разной степенью интенсивности продолжалось и в последующие столетия.

В то же время мы далеки от мысли, что подобные замечания ставят под сомнение ценность данного исследования. Скорее следует говорить о том, что монография А.Г. Селезнева, являющаяся собой пример логично выстроенного, доказательного анализа происхождения барабинских татар на широком этнокультурном фоне, дает прочную основу и широкие возможности для творческой мысли.

К сожалению, книга вышла небольшим тиражом в 500 экз. и, будучи полезной для специалистов различного профиля, уже сейчас стала труднодоступной, особенно если учесть большой интерес к ней со стороны самих представителей не только барабинских, но и в целом сибирских татар.

Примечание

¹ Селезнев А.Г. Проблемы реконструкции лесного южносибирского культурного комплекса // Этническая история народов России. СПб., 1993. С. 42–43.

А.П. Зенько